

Л. А. Андреева

**Зависимый таксис, выраженный деепричастной конструкцией,
в марийском языке**

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию деепричастий марийского языка в рамках функционально-семантической концепции категории таксиса. Характеристика деепричастий проведена по трем параметрам: референтность, таксисная специфика, сочетаемость с финитными глаголами. На материале марийского языка выявлено, что деепричастия на *-меке* и *-мешке* могут быть как однореферентными, так и разнореферентными. Деепричастия на *-шыла* в основном однореферентные. Деепричастия рассмотрены как средства выражения зависимых таксисных отношений (предшествующего действия, одновременного и следствия). В марийском языке в значении одновременности чаще всего употребляются деепричастия на *-шыла*, а также это значение присуще деепричастиям на *-н*, *-де*. В значении прерывающего предшествования могут употребляться деепричастия на *-шыла*, в ситуации дистантного предшествования – деепричастия на *-меке*. В значении следствия могут употребляться деепричастия на *-мешке*. Деепричастие на *-шыла*, которое стандартно имеет значение одновременности, может также употребляться в значении прерывающего предшествования. Деепричастия на *-мешке* могут выражать действие, происходящее после действия основного глагола, а также выражать действие, которому предпочитается другое действие. В марийском языке все деепричастия, выражающие ситуацию P₁, сочетаются с любыми временными формами финитного глагола.

Ключевые слова: таксис, таксисные отношения, марийский язык, зависимый таксис, деепричастие, референтность, партиципant.

L. A. Andreeva

**Dependent taxis expressed by adverbial participial construction
in the Mari language**

Abstract. This article is devoted to the study of adverbial participial constructions used in the dependent part of taxis construction in the Mari language. Adverbial participles are analyzed using three parameters: referentiality, taxis specificity, combination with finite verbs. Reference parameter involves two meanings: the same first participant of the situations P₁ and P₂; different first participants of the situations P₁ and P₂. It is revealed that in the Mari language heterosubjective structures with adverbial participles on *-meke* and *-meshke* occur with the same frequency as monosubjective structures. However, adverbial participles on *-shyla* mainly form monosubjective structures. We also consider the adverbial participle as a central syntactic-morphological means of expressing dependent taxis relations (anteriority, synchronism and posteriority). In the Mari language, the meaning of simultaneity is more often expressed by the adverbial participle that ends with *-shyla*, as well as by the adverbial participles ending with *-n*, *-de*. The meaning of interrupted precedence may be expressed by adverbial participle on *-shyla*, as well as adverbial participle on *-meke* can be used to express distant precedence. The meaning of posteriority can be expressed by adverbial participle on *-meshke*. Adverbial participle on *-shyla*, which basically has the meaning of simultaneity, can also be used in the meaning of interrupted precedence. Adverbial participle on *-meshke* can express actions that take place after the action of the main verb, as well as to express the action, which is preferred by another action. In the Mari language, all forms of adverbial participle, which express the situation P₁, can be combined with finite verbs in all tense forms.

Key words: taxis, taxis relations, the Mari language, dependent taxis, adverbial participle, referentiality, participant, anteriority, synchronism, posteriority.

Настоящая работа представляет собой исследование деепричастий, употребляющихся в зависимой части таксисных конструкций на материале марийского языка. Актуальность темы обусловлена фактическим отсутствием специальных работ, посвященных изучению и системному анализу категории таксиса в марийском языке. Тем не менее, таксисная проблематика на материале марийского языка так или иначе отражена в ряде работ при описании деепричастий, а также синтаксической структуры полипредикативных конструкций с деепричастными и другими нефинитными формами [1–4 и др.]. Целью данной статьи является рассмотрение зависимого таксиса на материале деепричастных конструкций.

Термин «таксис» был введен Р. О. Якобсоном как «греческий прообраз» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (order) [5, 236]. В. С. Храковский пишет: «Главная заслуга Р. О. Якобсона, предложившего для характеристики категории $E_n E_n$ использовать вместо традиционного термина ‘относительное время’ термин ‘таксис’, состоит в том, что эта терминологическая замена позволила подвести под понятие, обозначаемое термином ‘таксис’ не только традиционно учитывавшиеся финитные глагольные формы относительно времени, но и многочисленные и разнообразные нефинитные глагольные формы, имеющие то же самое значение» [6, 37].

Традиционно различают зависимый и независимый таксис. А. В. Бондарко дает следующую характеристику зависимому и независимому таксису: «В первом случае представлена зависимость второстепенного предиката от основного, что находит выражение в отсутствии у второстепенного предиката собственной самостоятельной (абсолютной) временной отнесенности (ср. относительное время деепричастий), во втором же случае такой зависимости нет, поскольку нет явно выраженной градации предикатов: ни один из них не имеет признаков второстепенности, в частности, каждый предикат имеет самостоятельную (независимую) временную отнесенность» [5, 240]. Как отмечает исследователь, «в сфере зависимого таксиса четко выделяется

единый центр, характеризующийся наибольшей специализацией и регулярностью выражения таксисного отношения – конструкции с деепричастиями» [5, 241].

Деепричастие в марийском языке – это инфинитная, непрягаемая форма глагола, функционирующая как зависимое (неконечное) сказуемое и выражающая определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию. В марийском языке деепричастия соединяют признаки глагола, существительного и отчасти наречия и являются его изменяющимся лексико-грамматическим классом. Они могут принимать притяжательные суффиксы, суффикс сравнительной степени, усилительные частицы *-ак*, *-ат* [7, 13].

Большинство языковедов различают в современном марийском языке следующие 5 форм деепричастий: деепричастия предшествующего действия на *-меке* (Г. *-мыкы*), деепричастия последующего действия на *-мешке*, (Г. *-мешкы*), одновременного действия на *-шыла*, деепричастия образа действия на *-н*, отрицательные деепричастия на *-де*. Кроме этого, встречаются диалектные формы *-дегече* (*-тегече*, *-дегызе*, *-тегецы*, *-дегецы*) вместо *-де*, и *-мӱнӱгӱ*, *-менге*, *-мӱнӱгӱ*, *-мӱнӱгы* вместо *-меке*. Деепричастия марийского языка подразделяют на две группы: 1) деепричастия на *-н* и *-де*; 2) деепричастия на *-меке*, *-мешке* и *-шыла*. Деепричастия второй группы имеют временные признаки, поэтому их часто называют «временными деепричастиями» или «деепричастиями времени» [8, 251]. В отличие от деепричастий первой группы, они могут присоединять посессивные суффиксы в их основном значении. Притяжательные суффиксы всех лиц и чисел могут употребляться при деепричастиях на *-меке* и *-мешке*. Деепричастие на *-шыла* не может выступать с посессивными суффиксами 1-го и 2-го лица множественного числа ни в одном говоре лугового наречия. При этом притяжательные суффиксы остальных лиц и чисел разрывают суффикс *-шыла*, образуя прерывистую основу: *тол=ш=ем=ла* ‘когда я шел’, *тол=ш=ет=ла* ‘когда ты шел’, *тол=шы=ж=ла* ‘когда он шел’,

тол=шы=шт=ла ‘когда они шли’, так как исторически деепричастие на *-шыла* восходит к древним отглагольным именам, имевшим в качестве своего грамматического показателя суффикс *-ш*, к которому присоединился древний суффикс направительного падежа *-ла*. Деепричастие на *-шыла* совпадает с формой действительного причастия (показатели *-ше, -шо, -шö*) в сравнительном падеже, например: *луд=шыла шо-наш* ‘думать во время чтения’ *илуд=шы=ла кояш* ‘притворяться читающим’, сохраняя особенности присоединения посессивных суффиксов к действительным причастиям: последний гласный звук в 1-ом и 2-ом лицах перед притяжательным суффиксом выпадает, а в 3-ем лице он переходит в *ы*. Вгорном же варианте марийского языка деепричастие на *-шыла* может употребляться со всеми посессивными суффиксами как в единственном, так и во множественном числе, напр.: *толышлаэм* ‘во время моего прихода’, *толышлаэт* ‘во время твоего прихода’, *толышлажы* ‘во время его прихода’, *толышлана* ‘во время нашего прихода’, *толышлада* ‘во время вашего прихода’, *толышлаиты* ‘во время их прихода’ [9, 104]. Е. И. Коведяева отмечает, что в горном наречии притяжательные суффиксы получают место после суффикса деепричастия [10, 141]. Однако А. А. Саваткова указывает, что в 1-м и во 2-м лице единственного числа посессивные суффиксы могут стоять между глагольной основой и суффиксом деепричастия, например: *tolšälaem, tolšemlä* ‘я мимоходом’, *tolšälaet, tolšetla* ‘ты мимоходом’, *tolšälažə* ‘он мимоходом’, *tolšälana* ‘мы мимоходом’, *tolšälada* ‘вы мимоходом’, *tolšälaštə* ‘они мимоходом’» [11, 245]. Деепричастие на *-н* может присоединять притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица единственного числа, деепричастие на *-де* – 3-го лица единственного числа в указательной или усилительно-выделительной функции.

Деепричастия марийского языка могут быть как однореферентными, так и разнореферентными. В моно- и разносубъектных конструкциях посессивное оформление деепричастий не различается. Деепричастия на *-н, -де* и *-шыла* в основном одноре-

ферентны, однако имеются редкие случаи разнореферентности. Субъект деепричастия на *-н* может быть выражен именем существительным в номинативе. Субъект деепричастия на *-де* – именем существительным или личным местоимением в номинативе и генитиве. Субъект деепричастия на *-шыла* грамматически выражается посессивным суффиксом, в редких случаях может не иметь своего грамматического выражения и явствовать из контекста:

(1) *Икса сер дене ошкылшыштла, Кялий кугыза лым лийде ойла* [12, 51].

Икса	сер	дене	
Икса	берег	по	
ошкыл=шы=шт=ла			Кялий
идти=GER _{səla} =POSS/3Pl=		GER _{səla}	Кялий
кугыза	лым	лий=де	
старик	не	умолкать=GER _{de}	
ойл=а			
говорить=PRS/3Sg			

‘Когда они проходят по берегу реки Икса, старик Кялий говорит, не умолкая.’

В примере (1) субъект деепричастной конструкции выражен посессивным суффиксом 3-го лица множественного числа.

Относительно отсутствия у деепричастия на *-шыла* в марийском языке субъекта в форме именительного и родительного падежей Н. И. Исанбаев предполагает, что «активное причастие, от которого оно образовано, вообще не способно иметь отдельный субъект в виду своей сильной адъективности, тогда как пассивное причастие, легшее в основу образования деепричастий на *-меке* и *-мешке*, обладая в большей степени глагольностью и соответственно предикативностью, свободно употребляется со своим субъектом, выступающим в форме именительного и родительного падежей» [8, 266].

Деепричастия на *-меке* и *-мешке* могут быть в равной степени как однореферентными, так и разнореферентными. Субъект может быть выражен:

- 1) именем существительным в номинативе, генитиве;
- 2) личным местоимением в номинативе, генитиве;

- 3) определительным местоимением *шке* в номинативе;
- 4) собирательным числительным;
- 5) посессивным суффиксом.

Часто субъект деепричастий на *-меке*, *-мешке* получает двойное грамматическое выражение: форму родительного падежа существительного / личного местоимения и посессивный суффикс 3-го лица единственного числа. В некоторых случаях отдельное слово, обозначающее субъект, приводится в том же предложении, но не в деепричастной конструкции, или явствует из предыдущего контекста, а грамматически выражается при помощи посессивного суффикса при деепричастии, например:

(2) *Кушмешкет, тыгак ыштен шуктат, эргым* [13, 266].

куш=мешке=т
расти=GER_{мешке}=POSS/2SG
тыг=ак   ышт=ен
так=PRTCL   делать=GER_n
шукт=ат   эргы=м
успеть=PRS/3PL   сын=POSS/1SG

‘Пока ты подрастешь, мой сынок, так и успеют сделать’.

Для характеристики деепричастий, употребляющихся в зависимой части таксисных конструкций, В. С. Храковский выделяет следующие три параметра: референтность; таксисная специфика деепричастий; сочетаемость с финитными глаголами [14, 62].

Рассмотрим каждый из предложенных параметров на материале марийского языка.

1. Референтность

Параметр референтности связан с относительной референтной характеристикой первых партиципентов (участников) «синтаксически зависимой» ситуации P₁ и «синтаксически независимой» ситуации P₂. Этот параметр принимает два значения: 1) у ситуации P₁ и у ситуации P₂ один и тот же первый партиципент; 2) у ситуации P₁ и у ситуации P₂ разные первые партиципан-

ты. На материале марийского языка выявлены деепричастия, маркирующие однореферентность (односубъектность) первых партиципентов ситуаций P₁ и P₂, и деепричастия, маркирующие разнореферентность (разносубъектность) первых партиципентов ситуаций P₁ и P₂.

1. У ситуации P₁ и у ситуации P₂ один и тот же первый партиципент:

(3) *Приказым кидыш налмекем, лүдынат колтышым* [15, 179].

приказ=ым   кид=ыш
приказ=ACC   рука=ILL
нал=меке=м
взять=GER_{меке}=POSS/1SG
лүд=ын=ат
испугаться=GER_n=PRTCL
колт=ыш=ым
AUX=PAST1/1Sg

‘Взяв в руки приказ, даже испугался.’

В примере (3) представлено однореферентное деепричастие на *-меке*, оформленное посессивным суффиксом 1-го лица единственного числа.

(4) *Шонкален шогышыжла, келгын шүлалтыш* [16, 6].

шонкал=ен
думать=GER_n
шог=ы¹=шы=ж=ла
стоять=INTFX=GER_{шала}=Poss/3Sg=GER_{шала}
келгын   шүлалт=ыш
глубоко   вздохнуть=PAST1/3Sg

‘Раздумывая, глубоко вздохнул.’

В примере (4) представлено однореферентное деепричастие на *-шыла*, оформленное посессивным суффиксом 3-го лица единственного числа.

2. У ситуации P₁ и у ситуации P₂ разные первые партиципенты.

(5) *Сакарын толмекыже, Роман кугыза сортам чүктыш* [17, 135].

Сакар=ын
Сакар=GEN
тол=мекы=же Роман

¹В марийском языке при образовании деепричастий от основ глаголов 2-го спряжения перед показателем деепричастия добавляется гласная Ы, в данной работе условно обозначенная как «интерфикс».

приятн=GER_{меке}=POSS/3Sg Роман
кугыза сорта=м чўкт=ыш
старик свеча=ACC зажечь=PAST1/3Sg

‘После того как пришел Сакар, старик Роман зажег свечку.’

В примере (5) субъект деепричастной конструкции получает двойное грамматическое выражение: форму родительного падежа существительного и посессивный суффикс 3-го лица единственного числа при деепричастии на *-меке*.

(6) *Ончен шогышыжлак, Чачин шинчавўдшў йоген лекте* [17, 125].

онч=ен
смотреть=GER_n
шог=ы=шы=ж=л=ак
стоять=INTFX=Ger_{šola}=POSS/3Sg=
Ger_{šola}=PRTCL
Чачи=н шинчавўд=шў
Чачи=GEN слеза=POSS/3SG
йог=ен лект=е
течь=GER_n выйти=PAST1/3Sg

‘В то время, когда она стояла и смотрела, у Чачи выбежала слеза.’

В примере (6) представлено деепричастие на *-шыла* с посессивным суффиксом 3-го лица единственного числа =ж(е), которое выражает субъект деепричастной конструкции. Однако относительно последнего примера может быть двоякое суждение. В. С. Храковский обращает внимание на то, что «языки на практике могут различным образом проводить границу между однореферентностью и разнореферентностью первых партиципантов ситуаций P₁ и P₂» и приводит следующие примеры: Войдя в комнату, я снял шляпу. Войдя в комнату, моя голова заболела [14, 66]. Первый пример является и грамматически, и семантически правильным, тогда как второй – нет, поскольку деепричастие СВ *войдя*, представляющее ситуацию P₁, является однореферентной таксисной формой, тогда как у первых партиципантов ситуаций P₁ и P₂ разные референты: говорящий и голова говорящего. В то же время автор замечает, что «для тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, эскимосо-алеутских и

ряда других языков грамматически правильным будет и второй пример. С точки зрения шорского языка, у первых партиципантов ситуаций P₁ и P₂ один и тот же референт, а именно – говорящий, поскольку голова является неотторжимой частью говорящего» [там же].

Таким образом, деепричастия на *-меке* и *-мешке* могут быть в равной степени как однореферентными, так и разнореферентными. Деепричастия на *-н*, *-де* и *-шыла* в основном однореферентные.

2. Таксисная специфика деепричастий

Основными семантическими признаками категории таксиса являются временные отношения одновременности, предшествования и следования, которые нашли свое отражение в деепричастиях. Т. К. Акимова, Н. А. Козинцева, рассматривая зависимый таксис на материале деепричастных конструкций, учитывают и те случаи, когда аспектуально-таксисные ситуации включают элементы семантики обусловленности [14, 267]. В. С. Храковский определяет таксис как категорию, которая реализуется в би-предикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P₁ относительно другой ситуации P₂, временная локализация которой характеризуется относительно времени речи, то есть независимо от какой-либо еще ситуации P_n [6, 37].

При рассмотрении таксисных конструкций, в которых ситуация P₁ выражается деепричастиями, В. С. Храковский выделяет пять значений, характеризующих таксисную специфику деепричастий [14, 66]. Рассмотрим их на материале марийского языка, начав со значения одновременности.

2.1. Деепричастие указывает на то, что ситуация P₁ одновременна ситуации P₂, обозначаемой финитным глаголом [14, 67].

В случае одновременности синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P₁, которая ориентирована относительно хро-

нологически одновременной с ней ситуации P₂, выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. В. С. Храковский выделяет три логические возможности одновременного существования ситуаций P₁ и P₂ [6, 42].

2.1.1. Полная одновременность (ситуация P₁ занимает тот же временной период, что и ситуация P₂).

(7) *Пазар гыч толшыштла, тыге мутланен ошкылыныт* [19, 72].

пазар гыч
 базар из
тол=шы=шт=ла
 возвращаться=GER_{sola}=POSS/3PL= GER_{sola}
 тыге мутлан=ен
 так разговаривать=GER_n
 ошкыл=ын=ыт
 шагать=PAST2=3PL

‘Возвращаясь из базара, так шли и разговаривали.’

(8) *18 ияшрак марий, калыкым кычкырен, урем дене куржеш* [8, 253].

18 ияш=рак марий калык=ым
 18летний-Comp мариец народ=ACC
кычкыр=ен урем дене
кричать=GER_n улица по
 курж=еш
 бежать=PRS/3Sg

‘Мариец лет 18-ти, зовя народ, бежит по улице.’

(9) *Ўмыр мучкыжо ужар сывыным кудаиде, кожер мурен шога* [8, 257].

ўмыр мучкы=жо ужар
 жизнь всю=POSS/3SG зеленый
 сывын=ым **кудаш=де** кожер
 покров=ACC **снимать=GER_{de}** ельник
 мур=ен **шог=а**
 петъ=GER_n **стоять=PRS/3SG**

‘Не снимая с себя в течение всей своей жизни зеленого покрыва, стоит и поет ельник.’

2.1.2. Неполная одновременность (ситуация P₂ локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P₁).

«Целостное действие происходит во время процесса – время протекания про-

цесса включает момент, когда осуществляется целостный факт. В этом случае характерно представление процесса как коммуникативно-исходного элемента высказывания, фона, выражаемого с помощью препозитивного деепричастия (НСВ)» [5, 258].

(10) *Окна воктен шогышыжла, уремми ончале* [20, 272].

окна воктен
 окно возле
шог=ы=шы=ж=ла
стоять=INTFX=GER_{sola}=POSS/3SG= GER_{sola}
 урем=ыш
 улица=ILL
 ончал=е
 посмотреть=PAST1/3SG

‘(она) Стоя у окна, посмотрела на улицу.’

2.1.3. Неполная одновременность (ситуация P₁ локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P₂)

В. С. Храковский приводит следующий пример: *Когда в комнату вошла Маша, Петя делал уроки* [6, 42]. На марийском языке данный пример будет звучать следующим образом:

(11) *Машан пӧлемми пуремыж годым, Петя урокым ышта ыле.*

Маша=н пӧлем=ыш
 Маша=GEN комната=ILL
пур=ы=мы=ж
входить=INTFX=PART_{me}=POSS/3SG
годым Петя
когда Петя
 урок=ым ышт=а ыле
 урок=ACC делать=PRS/3Sg AUX,

т. е. ситуация P₁ формально выражается причастной конструкцией.

В марийском языке в значении одновременности чаще всего употребляются деепричастия на *-шыла*, а также это значение присуще деепричастиям на *-н*, *-де*.

2.2. Деепричастие указывает на то, что ситуация P₁ предшествует ситуации P₂, обозначаемой финитным глаголом

«В случае предшествования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P₁, которая ориентирована относительно хро-

нологически следующей за ней ситуации P₂, выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой» [6, 42]. В марийском языке в значении предшествования могут употребляться деепричастия на *-меке, -н, -де*.

(12) *Уремьш лекмек, Шамрай кино афиш ончылан шогалын* [21].

урем=ыш лек=мек Шамрай
улица=ILL **выйти=GER***меке* Шамрай
кино афиш ончылан шогал=ын
кино афиша перед встать=PAST2/3SG

‘Выйдя на улицу, Шамрай остановился у киноафиши.’

(13) *Григорий Петрович, окна дек миен, тугö ончале* [8, 253].

Григорий Петрович окна дек
Григорий Петрович окно к
ми=ен тугö
подойти=GER_n на улицу
ончал=е
посмотреть=PAST1/3SG

‘Григорий Петрович, подойдя к окну, посмотрел на улицу.’

(14) *Кочде ода кае*.

коч=де ода кае
кушать=GER_{de} NEG/PRS/2SG идти

‘Не поев, не пойдете.’

Выделяют три логические возможности следования ситуации P₂ за ситуацией P₁ с хронологической точки зрения: прерывающее, контактное и дистантное предшествование.

2.2.1. Прерывающее предшествование (ситуация P₂ следует за ситуацией P₁, прерывая ее):

(15) *Куржеш. Куржын кайшыжла урядник дек миен перна* [22, 8].

курж=еш Курж=ын
бежать=PRS/3Sg Бежать=GER_n
кай=шы=ж=ла
идти=GER_{soла}=POSS/3Sg= GER_{soла}
урядник дек ми=ен
урядник к приходит=GER_n
пер=на
натолкнуться=PRS/3Sg

‘Бежит. Убегая, наталкивается на урядника.’

2.2.2. Деепричастия в марийском языке не участвуют в выражении контактного предшествования, при котором ситуация P₂ следует непосредственно за ситуацией P₁ после ее естественного завершения. Рассматриваемое значение может быть выражено финитными глагольными формами при ситуациях P₁ и P₂ и частиц *веле, гына*, например:

(16) *Рвезе-влак үстел коклаш шинчым веле, ачаит пура*.

рвезе-влак үстел коклаш шинч=ыт
парень=PL стол за сесть=PRS/3PL
веле ача-шт пур=а
только отец=POSS/3P1 зайти=PRS/3Sg

‘Как только парни уселись за стол, заходит их отец.’

(17) *Лум каен гына шукта, ужаргын койын шудо нөлтеш* [21].

лум ка=ен гына
снег уйти=GER_n только
шукт=а ужаргын
успевать=PRS/3SG зелено
кой=ын шудо
казаться=GER_n трава
нөлт=еш
подниматься=PRS/3SG

‘Снег только успеет сойти, как, зеленая, поднимается трава.’

2.2.3. Дистантное предшествование (ситуация P₂ следует за ситуацией P₁ через какой-то интервал после ее естественного завершения):

(18) *Каена. Только кызыт огыл, изиш варарак, волгыжмекырак каена* [8, 262].

кае=на только кызыт огыл
идти=PRS/1PL только сейчас NEG
изиш вара=рак
немного поздно-COMP
волгыж=мекы=рак кае=на
светлеть=GER_{меке}=COMP идти=PRS/1PL

‘Пойдем. Только не сейчас, попозже, пойдем, когда немножко станет светлее.’

Временной интервал между действиями в примере (18) выражен деепричастием на *-меке* с суффиксом сравнительной степени *-рак* и наречия *варарак* ‘попозже’, также оформленного суффиксом сравни-

тельной степени. Часто дистантное предшествование выражается деепричастной конструкцией *икмыняр* (*шуко, шагат, ий*) *жап эртымеке* ‘какое-то (много, часов, лет) время спустя’:

(19) *Кок ий эртымеке ялыш пörтылын.*

кок ий эрт=ы=меке
два год проходить=INTFX=GER_{меке}
ял=ыш пörтыл=ын
деревня=ILL вернуться=PAST2/3SG

‘Спустя два года вернулся в деревню.’

Таким образом, в значении предшествования могут употребляться деепричастия на *-меке, -н, -де*. В значении прерывающего предшествования могут употребляться деепричастия на *-шыла*, в ситуации дистантного предшествования – деепричастия на *-меке*, контактное предшествование не выражается при помощи деепричастий.

2.3. Деепричастие указывает на то, что ситуация P₁ следует за ситуацией P₂, обозначаемой финитным глаголом. В случае следования синтаксически зависимая таксисная форма обозначает ситуацию P₁, которая ориентирована относительно хронологически предшествующей ей ситуации P₂, выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой [6, 42].

В марийском языке имеются деепричастия с показателем *-мешке*, одно из основных значений которых обозначать действие, происходящее после действия основного глагола, например:

(20) *Тиде шомакым ойлаш тунеммешкыже Сакар кок гана вўр дене пырля пўйжым шўвал луктын шуыш* [17, 283].

тиде шомак=ым ойл=аш
это слово=ACC говорить=INF
тунем=мешкы=же Сакар
научиться=GER_{мешке}=POSS/3SG Сакар
кок гана вўр дене пырля
два раза кровь с вместе
пўй=жы=м
зуб=POSS/3SG=ACC
шўвал=ø
выплюнуть=GER_n
лукт=ын шу=ыш
выбросить=GER_n AUX=PAST1/3SG

‘До того, как научился выговаривать это слово, Сакар два раза выплевывал с кровью свои зубы’.

2.4. Деепричастие указывает на то или другое конкретное таксисное значение в зависимости от контекста, собственной лексической и категориальной семантики и/или лексической и категориальной семантики финитного глагола, а также от взаимного расположения деепричастия и финитного глагола [14, 67]. В марийском языке деепричастие на *-шыла*, которое стандартно имеет значение одновременности (см. примеры 7, 10), может также употребляться в значении прерывающего предшествования (см. пример 15), деепричастия на *-н* и *-де* могут указывать на значения одновременности (см. примеры 8, 9) и предшествования (см. примеры 13, 14).

2.5. Деепричастие в зависимости от контекста, собственной лексической и категориальной семантики и/или лексической и категориальной семантики финитного глагола, а также от взаимного расположения деепричастия и финитного глагола обозначает или одно из таксисных значений, или какое-либо значение логической обусловленности (условное, причинное и т. п.) наряду с таксисным, которое в этом случае становится фоновым [14, 67].

В марийском языке деепричастия на *-мешке* могут выражать действие, происходящее после действия основного глагола (см. пример 20), а также выражать действие, которому предпочитается другое действие:

(21) *Сотарымешкет, вакшышыш во-заш полшем ыле* [23, 148].

сотар=ы=мешке=т
насмеяться=GER_{мешке}=POSS/2SG
вакшыш=ыш воз=аш
постель=ILL лечь=INF_{ас}
полш=ем ыле
помочь=PRS/1Sg AUX

‘Вместо того чтобы насмеяться, помогла бы лучше лечь в постель.’

3. Параметр сочетаемостис финитными глаголами, выражающими ситуацию P₂, который принимает два значения:

1) деепричастие, выражающее ситуацию P₁, сочетается с любыми (видо) временными формами финитного глагола, выражающего ситуацию P₂;

2) деепричастие, выражающее ситуацию P₁, сочетается с некоторыми (видо) временными формами финитного глагола (обычно это формы прошедшего времени) [14, 69].

В марийском языке все деепричастия, выражающие ситуацию P₁, сочетаются с любыми временными формами финитного глагола.

Как отмечает О. Р. Исаров, «возможности русских деепричастий в выражении таксисных отношений ограничены. Одновременность и предшествование выражаются ими при помощи граммем НСВ и СВ категории вида» [24, 3]. Марийский язык богат своими нефинитными глагольными формами, которые могут выступать в значении зависимого таксиса и выражать значения одновременноности, предшествования и следования. Деепричастие на *-н* выражает значение одновременноности и предшествования. Деепричастие на *-де* – значение одновременноности и в редких случаях – предшествования. Деепричастие на *-шыла* – одновременноность, изредка – предшествование. Деепричастие на *-меке* выражает значение предшествования, деепричастие на *-мешке* – последующего действия. Таким образом, в зависимости от контекста деепричастие

может указывать на то или другое конкретное таксисное значение, например, деепричастие на *-шыла*, которое стандартно имеет значение одновременноности, может также употребляться в значении прерывающего предшествования, деепричастия на *-н* и *-де* могут указывать на значения одновременноности и предшествования. Следует отметить, что не все логические возможности одновременного существования ситуаций P₁ и P₂ или следования ситуации P₂ за ситуацией P₁ с хронологической точки зрения при значении предшествования можно выразить деепричастиями. Так, деепричастия не участвуют в выражении контактного предшествования, при котором ситуация P₂ следует непосредственно за ситуацией P₁ после ее естественного завершения. Рассматриваемое значение может быть выражено финитными глагольными формами при ситуациях P₁ и P₂ и частиц *веле*, *гына*. При значении неполной одновременноности, когда ситуация P₁ локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P₂, ситуация P₁ формально выражается причастной конструкцией. Рассмотрев параметр референтности, можно сделать вывод, что деепричастия на *-меке* и *-мешке* могут быть в равной степени как однореферентными, так и разнореферентными. Деепричастия на *-н*, *-де* и *-шыла* в основном однореферентные. Изучение типов таксисных отношений в марийском языке требует дальнейшего продолжения, а также для получения более точной картины необходимо отдельное подробное исследование с применением количественных методов.

Список сокращений

1, 2, 3 л. – первое, второе, третье лицо

ACC – аккузатив

AUX – вспомогательный глагол

DAT – датив

GEN – генитив

GER_{de} – деепричастие на *-де*

GER_n – деепричастие на *-н*

GER_{meke} – деепричастие на *-меке*

GER_{meške} – деепричастие на *-мешке*

GER_{šola} – деепричастие на *-шыла*

COMP – компаратив

ILL – иллатив

INF_{aš} – инфинитив на *-аш*

INTFX – интерфикс
LAT – латив
NEG – отрицательная частица
PART_{me} – страдательное причастие на *-me*
PAST1 – первое прошедшее время
PAST2 – второе прошедшее время
PL – множественное число
POSS – посессивный суффикс
PRS – настоящее время
PRTCL – частица
SG – единственное число

Литература

1. Васикова, Л. П. Предикативные деепричастные конструкции в марийском языке [Текст] / Л. П. Васикова // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. К 70-летию акад. Б. А. Серебренникова. – Йошкар-Ола : [б. и.], 1986. – С. 122–142.
2. Абукаева, Л. А. Принципы классификации и история сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры : дисс. ... канд. филол. н. [Текст] / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола, 1996. – 155 с.
3. Исанбаев, Н. И. Деепричастия в марийском языке [Текст] / Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола : МарНИИ, 1961. – 150 с.
4. Валитов, Г. Н. О субъекте деепричастных конструкций в марийском языке [Текст] / Г. Н. Валитов // *Fenno-Ugristica*. – Tartu, 1980. – Nr. 6. – С. 136–145.
5. Бондарко, А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса [Текст] / А. В. Бондарко // Теория Функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Изд-во «Наука», 1987. – С. 234–243.
6. Храковский, В. С. Категория таксиса (общая характеристика) [Текст] / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 32–54.
7. Андреева, Л. А. К проблеме статуса деепричастий в марийском языкознании [Текст] / Л. А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 21 (51). – СПб. – С. 9–14.
8. Исанбаев, Н. И. Деепричастие [Текст] / Н. И. Исанбаев // Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1961. – С. 250–271.
9. Андреева, Л. А. Глагольные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке : дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Л. А. Андреева. – Ханты-Мансийск, 2008. – 206 с.
10. Коведяева, Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык [Текст] / Е. И. Коведяева. – М. : Наука, 1987. – 159 с.
11. Саваткова, А. А. Горное наречие марийского языка [Текст] / А. А. Саваткова. – Savariae, 2002. – 298 s.
12. Асаев, А. Ошвичыжат йўксыжат: роман [Текст] / А. Асаев. – Йошкар-Ола : Марий книга изд-во, 1985. – 320 с.
13. Тимофеев, А. Койдымо фронт : роман [Текст] / А. Тимофеев. – Йошкар-Ола : Марий книга изд-во, 1986. – 320 с.
14. Храковский, В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология [Текст] / В. С. Храковский // Типология таксисных конструкций. – М. : Знак, 2009. – С. 11–113.
15. Юшков, В. Мыйын университетем [Текст] / В. Юшков // Ончыко. – 2000. – № 1. – С. 173–185.
16. Николаев, С. Н. Эрвыкай: Повесть да ойлымаш-влак [Текст] / С. Н. Николаев. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1982. – 224 с.
17. Чавайн, С. Г. Элнет [Текст] / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1967. – 322 с.
18. Акимова, Т. Г. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) [Текст] / Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева // Теория Функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Изд-во «Наука», 1987. – С. 257–274.

19. Шабдар, О. Ёдырамаш корно [Текст] / О. Шабдар. – Йошкар-Ола : Кн. лукшо мар. изд-во, 1975. – 224 с.
20. Юксерн, В. Кас ўжара: Легенда, ойлымаш, повесть, роман [Текст] / В. Юксерн. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1983. – 368 с.
21. Большой марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dict.komikuv.ru/index.php/index/8.xhtml> (дата обращения 23.05.2016).
22. Чавайн, С. Г. Акпатыр. Пьеса-влак [Текст] / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола : Кн. лукшо мар. изд-во, 1977. – 208 с.
23. Иванов, В. Тўтан : роман [Текст] / В. Иванов. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1991. – 328 с.
24. Исаров, О. Р. Деепричастие: таксисный конверб [Электронный ресурс] / О. Р. Исаров. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/21_DSN_2013/Philologia/3_143202.doc.htm (дата обращения: 01.02.2016).

References

1. Vasikova L. P. *Predikativnye deeprichastnye konstrukcii v marijskom jazyke* [Predicative adverbial participle constructions in the Mari language] // *Voprosy marijskogo jazyka. Grammatika i leksikologija. K 70-letiju akad. B. A. Serebrennikova* [Voprosy Marijskogo Jazykoznanija. Grammar and lexicology. To the 70-th anniversary of acad. B. A. Serebrennikov]. Yoshkar-Ola, 1986, pp. 122–142.
2. Abukaeva L. A. *Principy klassifikacii i istorija slozhnopodchinennyh predlozhenij v marijskom jazyke: slozhnopodchinennye predlozhenija neraschlennoj struktury* [Principles of classification and history of complex sentences in the Mari language: complex sentences of undifferentiated structure]. Yoshkar-Ola, 1996. 155 p.
3. Isanbaev N. I. *Deeprichastija v marijskom jazyke* [Adverbial participles in the Mari language]. Yoshkar-Ola: MarNII Publ., 1961. 150 p.
4. Valitov G. N. *O subjekte deeprichastnyh konstrukcij v marijskom jazyke* [About the subject of adverbial participle constructions] *Fenno-Ugristica*. Tartu, 1980, no. 6, pp. 136–145.
5. Bondarko A. V. *Obshhaja harakteristika semantiki i struktury polja taksisa* [General characteristics of semantics and structure of the field of taxis] // *Teorija Funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 234–243.
6. Hrakovskij V. S. *Kategorija taksisa (obshhaja harakteristika)* [Category of taxis (general description)]. *Voprosy jazykoznanija*. 2003, no. 2, pp. 32–54.
7. Andreeva L. A. *K probleme statusa deeprichastij v marijskom jazykoznanii* [To the problem of the Adverbial Participle status in Mari linguistics] *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena № 21 (51): Aspirantskie tetradj: Nauchnyj zhurnal* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science. Volume 21 (51): Postgraduate notebook: Scientific Journal], 2007, pp. 9–14.
8. Isanbaev N. I. *Deeprichastie* [Adverbial Participle]. *Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija* [Modern Mari language. Morphology]. – Yoshkar-Ola, 1961, pp. 250–271.
9. Andreeva L. A. *Glagol'nye konstrukcii s possessivnymi suffiksami v marijskom jazyke* [Verbal constructions with possessive suffixes in the Mari language]. Khanty-Mansiysk, 2008. 206 p.
10. Kovedjaeva E. I. *Areal'nye issledovanija po vostočnym finno-ugorskim jazykam: Marijskij jazyk* [Areal researches in eastern Finno-Ugric languages: the Mari language]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 159 p.
11. Savatkova A. A. *Gornoe narechie marijskogo jazyka* [The Hill dialect of the Mari language]. Savariae, 2002. 298 p.
12. Asaev A. *Oshvichyžhat jykyszhat: roman* [Belaya River and swan: novel]. Yoshkar-Ola: Marij kniga izd-vo Publ., 1985. 320 p.
13. Timofeev A. *Kojdymo front: roman* [Invisible forefront: novel]. Yoshkar-Ola: Marij kniga izd-vo Publ., 1986. 320 p.
14. Hrakovskij V. S. *Taksis: semantika, sintaksis, tipologija* [Taxis: semantics, syntax, typology]. *Tipologija taksisnyh konstrukcij* [Typology of taxis structures], M., 2009, pp. 11–113.
15. Jushkov V. *Myjyn universitetem* [My university]. *Onchyko*, 2000, no. 1, pp. 173–185.
16. Nikolaev S. N. *Jervykaj: Povest' da ojlymash-vlak* [Ervykaj: Stories]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1982, 224 p.
17. Chavajin S. G. *Jelnet: roman* [Elnet: novel]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1967. 322 p.

18. Akimova T. G., Kozinceva N. A. *Zavisimyj taksis (na materiale deeprichastnyh konstrukcij)* [Dependent taxis (on the material of the Adverbial participle constructions)]. *Teorija Funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 257–274.
19. Shabdar O. *Ųdyramash korno* [Woman's way]. Yoshkar-Ola: Kn. luksho mar. izd-vo Publ., 1975. 224 p.
20. Juksern V. *Kas ųzhara: Legenda, ojlymash, povest', roman* [Sunset: legend, story, novel]. Yoshkar-Ola:Mar. kn. izd-vo Publ., 1983. 368 p.
21. Bol'shoj marijsko-russkij slovar' [Big Mari-Russian Dictionary]. Available at: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/8.xhtml> (accessed 23.05.2016).
22. Chavajn S. G. *Akpatyr. P'esa-vlak* [Akpatyr. Plays]. Yoshkar-Ola: Kn. luksho mar. izd-vo Publ., 1977. 208 p.
23. Ivanov V. *Tųtan: roman* [Storm: novel]. Yoshkar-Ola:Mar. kn. izd-vo Publ., 1991. 328 p.
24. Isarov O. R. *Deeprichastie: taksisnyj konverb* [The Adverbial participle: taxis converb]. Available at: http://www.rusnauka.com/21_DSN_2013/Philologia/3_143202.doc.htm (accessed 01.02.2016).